

«Я УВИДЕЛ В ЧЕРНОБЫЛЕ ВСЕ!»

Питерский писатель и бывший ликвидатор называет себя горным ежиком и работает в котельной

ДМИТРИЙ Григорьев - поэт, прозаик, автор нескольких книг и множества публикаций. Это - для «серьезной» биографической справки. Дмитрий Григорьев - оператор котельной в самом сердце Питера, один из последних кочегаров легендарного «поколения дворников и сторожей». Многодетный отец. Это - для полноты официальной биографии. Летом он покидает котельную, уезжает из города и становится просто путешественником.

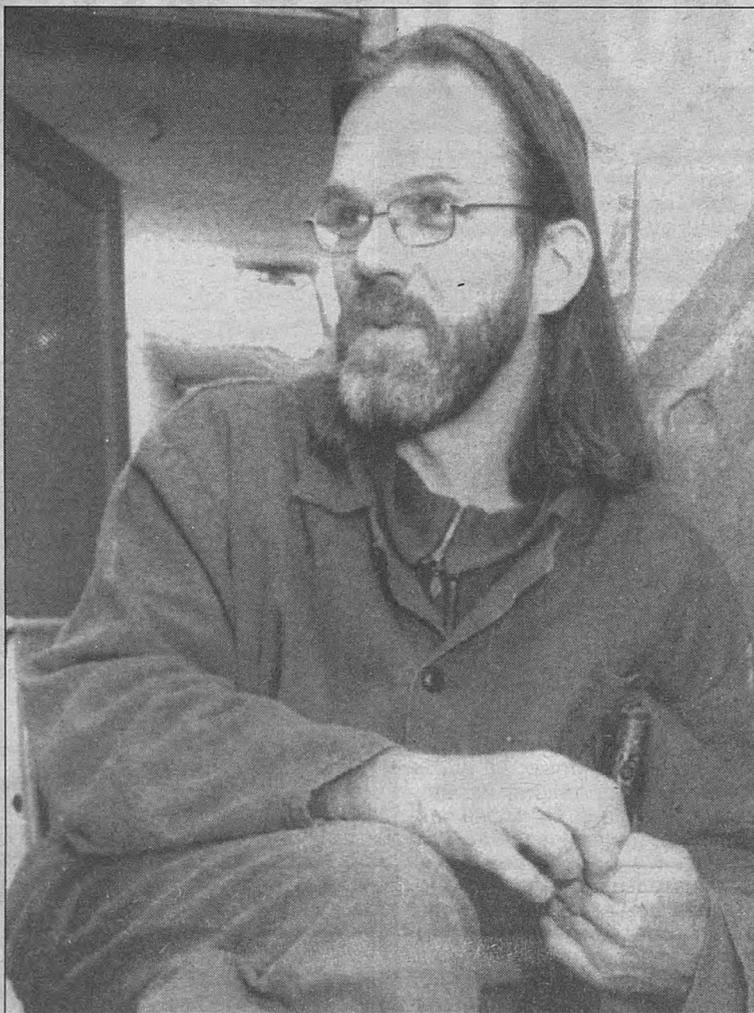
Точка отсчета

Родился я в роддоме на 14-й линии в 1960 году. И жил на Васильевском до 17 лет. Естественно, как все дворовые дети, я любил гулять. Больше всего - по Смоленскому кладбищу и по свалке, что на берегу залива. На свалке можно было найти все. Неспроста археологи копают древние свалки. А прогулки по кладбищу наводят на мысли о краткости жизни, о смерти... На самом-то деле мы там играли в войнушку. Бегали с деревянными автоматами, прятались в склепах и за надгробьями.

После школы поступил в Университет, на химфак. Мне было все равно куда, но два увлечения - пиротехника и психоактивные вещества - определили мой выбор. За пиротехнические опыты меня даже исключали из школы. Второе увлечение однажды привело в больницу. А на факультете я нюхал насекомых. Точнее, изучал запахи, с помощью которых они общаются. Но уже тогда начал писать стишки, которые, слава богу, никому не показывал. Потом наступил такой ироничный период. Мы с друзьями выписывали журнал «Корея», вырезали оттуда картинки, описывали некий мировой катаклизм, войну. При этом все было окрашено в эротические тона. Такая интересная, почти литературная игра... Самое смешное, что эти сборники - «Правда о Кровавой Ейке» - кто-то перепечатывал, и они «ходили» в самиздате.

Чернобыль

Я закончил химфак, поступил в аспирантуру и не появлялся «на службе» девять месяцев. Меня оттуда, естественно, выперли, и после чем я только я не занимался. Ломал, строил, мыл стекла, сторожил. Писал много. Некоторые тексты иногда появлялись в «самиздате», журналах «Часы», «Обводный канал», «Митин журнал»

В кочегарке Григорьев сочиняет стихи

«Третья Модернизация» и других...

Однажды я пришел в котельную к Жене Кушнеру, и мне там так понравилось, что я стал кочегаром. Солдатом армии тепла.

Потом, уже работая в котельной, я загремел на «военные сборы» в Чернобыль. Не солдатом, а офицером. Моя специальность - химическая и радиационная разведка. Поэтому меня туда и отправили. Но работал я недолго, всего два месяца: один парижский приятель прислал мне письмо с просьбой написать об аварии для газеты «Русская мысль» (известная эмигрантская газета, издающаяся во Франции). Вряд ли бы он что-либо опубликовал - скорее всего, это был способ меня «отмазать». Потому что все письма перечитывались, и наш «гэбэшник», прочитав его, запретил мне ездить на станцию. В итоге я недооблучился. Правда, на станции успел две недели поработать и в Припяти неделю. Все, что можно было увидеть, я увидел.

Кочегар

В котельной я уже лет семнадцать. У нас тут был такой легендарный начальник, Иван Павлович Шкирка. Он любил нашего брата, здесь было много художников, поэтов, писателей. Митя Шагин, Олег Охупкин, Женя Пазухин, Слава Долинин... И вообще, народ работал весьма образованный. Помню, на собрании обсуждалось, нужно ли брать электрика. И Палыч, глядя в список, говорит: у нас из ста человек несколько докторов наук, более десяти кандидатов, неужели они не смогут лампочку вкрутить!

Потом, в начале перестройки, кто уехал за границу, кто - в издательства, кто - в богатые модные художники. В общем, почти никого не осталось, литературная тусовка сменилась религиозной. Одно время было много «свидетелей Иеговы», суфиев и йогов. А писателей почти не осталось. На соседнем участке работает Леша Шельвах, а в котельной Института им. Герцена - Боря Григорин, Алексей Давыденков. Моя работа в котельной не мешает, зимой мне нужен кабинет. На лето беру отпуск за свой счет, а когда был Иван Палыч, я вообще мог уехать на полгода, например, в Индию. Сейчас такого нет. Я никого не агитирую идти в котельную, тем более что устроиться сюда трудно. Мест нет. Заняты людьми, которым нужно для чего-нибудь свободное время. Здесь работа посменная, день - ночь, три дня выходных...

Публикациями я не обижен. Три книги прозы, две из которых сразу отбрасываем - они написаны «на заказ», и я считаю их слабыми, и четыре книги стихов. Плюс разные журналы, альманахи. Тексты, с моей точки зрения, должны «отлеживаться».

Горы

Очень люблю горы. Один раз, давным-давно, ходил с альпинистами, один раз - с горными туристами. А большую часть жизни хожу один. Гуляю. Обычно выбираю для путешествий такие маршруты, где даже на карте нарисована тропа. Скалолаз из меня хреновый, и если встречается серьезный скальный участок, я его не преодолеваю. Поэтому в принципе все мои путешествия - это простые хождения по горам. В одиночку. Многие считают, что в одиночку ходить опасно, а в группе тебе помогут, подстрахуют. Но когда ты идешь в группе, ты обязательно за кого-то отвечаешь. Я ни за кого, кроме себя, отвечать не хочу. «Как же так, вдруг что с тобой случится!..» Не случится. А случится - да и бог с ним. Опыт хождения у меня очень большой, с 19 лет, почти каждое лето, иногда по три месяца. Где я был? Памир, Тянь-Шань, Алтай, Кавказ, Гималаи. Поднимался почти до семи тысяч. Не был в Африке на Килиманджаро (и очень хочу!), не был в Альпах. Не был в Кордильерах. Есть еще куда стремиться... Это типа наркомании. Небо, горы, звезды. Это у меня уже в крови, вплоть до физического привыкания. Вот в прошлом году не был в горах - и чувствую себя не очень...

У меня хорошая палатка, «эгоистка», пуховый спальник, газ, отличное снаряжение. И когда я оставаюсь рядом с туристами, ложусь вечером спать, а они песни у костра поют, мне очень кайфово, я себя с ними рядом очень хорошо чувствую. Но при этом ощущаю себя в туристской компании чужим. И песни мне не очень-то близки, я больше рок люблю. Есть геологи, которые туристов не жалуют, потому что геологи в горах работают, для них горы - это «поля», а для туристов - развлечение. Я отличаюсь от тех и от других. Может быть, потому, что я уже давно ничего не хочу покорять. Просто хожу и смотрю на красивые места. Такой горный ежик. Ну что-то такое достаточно миролюбивое! Ежик, который редко выставляет иголки. Хотя ежики в горах вроде не водятся...

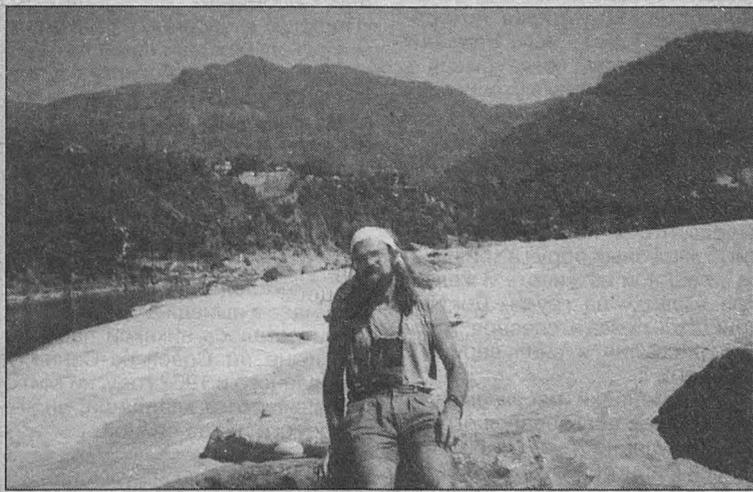
Семья

Семья у меня большая. Это женщина, которую я люблю уже не первый год, - моя нынешняя жена Тоня. Она филолог, переводчик, юрист, работает в издательстве. У нее двое детей. Конечно, есть проблемы, но мы их вместе дружно решаем. От предыдущего брака у меня сын, которого мы периодически берем к себе. Плюс к этому от «предыдущего» брака еще двое детей, сын и дочка, живут они в Швеции. Все очень разные, но друг с другом хорошие отношения. И еще родители, сестра Ольга, тоже писатель, в прошлом - чемпионка Европы по плаванию, ее муж Володя, их сын Максим. А еще, конечно же, мои крестники. Есть у меня стишок, про семью в широком смысле:

*Вот и собралась наша семья -
Словно лесная поляна,
Где всякому растению есть место
И никогда не бывает сорняков.*

Елена СВЕТЛОВА

Фото Александра ЛЯШКО
и из архива Дмитрия ГРИГОРЬЕВА

А летом уезжает. Например, в Индию